

The 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies

К 200-летию Института востоковедения РАН

DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-424-458

УДК 93/94

Оригинальная статья

Original Paper

Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН

Ю. В. Чудодеев

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: chudo.yurij@yandex.ru

Резюме: в статье предлагается подробный обзор истории образования и деятельности одного из важнейших центров российского китаеведения – Отдела Китая Института востоковедения АН СССР в 1960–1980 гг. Творческие научные достижения сотрудников отдела излагаются в контексте взаимоотношений науки и советского партийного руководства того времени, характеризующегося тотальной идеологической цензурой, и на фоне описания непростых взаимоотношений между СССР и Китаем.

Ключевые слова: востоковедение в России; Институт востоковедения РАН; китаеведение в СССР; Китай; научная конференция «Общество и государство в Китае»; синология

Для цитирования: Чудодеев Ю. В. Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН. *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):424–458. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-424-458.

The Chinese Studies, their origin and development at the Institute of Oriental studies of the Russian Academy

Yurij V. Chudodeev

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: chudo.yurij@yandex.ru

Abstract: the article offers an account on the history of the Department of Chinese Studies at the Institute of the Oriental Studies of the Russian Academy in 1960–1980. This is one of the most important centres of Chinese Studies in the former USSR and in the post-soviet Russia. The article deals with its origins, scholarly activities, and achievements as well as the members of staff. The scholarly achievements are outlined in the context of the complex relationship between the Communist party's views on the Chinese history and the actual findings, which had to be put in accordance with the view of the Party. The ideological censorship was acerbated by the complex and not always easy relations between the Chinese and Soviet communist ideologies on one hand and the USSR and the Peoples Republic of China on the other.

Keywords: Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies of; Sinology; “Society and State in China” meeting on; USSR, Chinese Studies in

For citation: Chudodeev Y. V. The Chinese Studies, their origin and development at the Institute of Oriental studies of the Russian Academy. *Orientalistica*. 2018;1(3-4):424–458. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-424-458.

Введение

Китай – крупнейшая держава, развитие которой в настоящее время привлекает внимание всего мирового сообщества. Для понимания процессов, происходящих в Поднебесной, необходимо знать и внимательно изучать ее многовековую историю, сложившуюся на протяжении тысячелетий культуру, национальные традиции. Китай – наш ближайший дальневосточный сосед, отношения с которым у России складывались временами далеко не однозначно. Разумеется, в рамках исторически сложившегося стратегического партнерства между РФ и КНР перед российскими Китаеведами стоят задачи, направленные на дальнейшее развитие многостороннего сотрудничества между странами. В связи с этим опыт изучения Китая в одном из подразделений Российской академии наук – Отделе Китая Института востоковедения РАН – представляется полезным.

Как известно, родоначальником Института востоковедения (в 1960–1970-е гг. – Института народов Азии АН СССР), структурного подразделения РАН, изучающего историю, экономику, литературу, культуру, языки стран Востока, был основанный в 1818 г. в Петербурге Азиатский музей – собрание рукописей на различных восточных языках и обширная коллекция книг по востоковедению. В первой половине XIX в. значительную роль в развитии российского востоковедения сыграли представители богатой дворянской армянской семьи Лазаревых (Лазарян). В 1815 г. один из них, Еким Лазарев (1743–1826), основал в Москве армянское училище, преобразованное в 1827 г. в Лазаревский институт восточных языков, где преподавались арабский, персидский, турецкий, армянский, азербайджанский, грузинский языки. С 1921 г. оно было преобразовано в языковедческий Московский институт востоковедения (МИВ), где через некоторое время было введено преподавание и китайского языка. В дальнейшем многие видные отечественные Китаеведы вышли из стен именно этого института. Отметим, что преподавание китайского языка велось в то время также и на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета.

В 1916–1930 гг. директором Азиатского музея был выдающийся российский востоковед, один из основателей российской индологической школы, действительный член РАН С. Ф. Ольденбург (1863–1934). К этому периоду относится научная и преподавательская деятельность выдающегося отечественного Китаеведа – академика Василия Михайловича Алексева (1881–1951), который в 1930–1951 гг. был заведующим китайским кабинетом Азиатского музея, а затем Ленинградского отделения ИВ АН СССР.

В 1930 г. произошла реорганизация востоковедных учреждений АН СССР, выразившаяся в слиянии Азиатского музея, Института буддийской культуры и Туркологического кабинета в единый Институт востоковедения АН СССР. Первым директором его стал С. Ф. Ольденбург. С 1950 г. институт переведен в Москву, а его Ленинградское отделение в 2007 г. выделено в отдельное учреждение – Институт восточных рукописей РАН, который возглавила И. Ф. Попова, историк-китаист, доктор исторических наук (2000).

В послевоенный период, фактически в 1950-е гг., начался процесс формирования современного отечественного китаеведения, его различных центров и направлений. Говоря о подготовке китаеведческих научных кадров, следует иметь в виду, что Китай – это сложный объект научного исследования, учитывая его многовековую историю, особый менталитет нации, традиционализм, трудный для освоения язык и иероглифическую письменность. Изучение Китая требует от специалиста огромных усилий и времени, можно сказать – всей жизни. Неудивительно, что постижение Китая многие годы было уделом лишь немногочисленных энтузиастов.

1950-е гг. ознаменовались существенными изменениями в развитии советско-китайских отношений и соответственно в развитии китаеведения. В этот период в условиях «холодной войны» советское руководство стремилось обрести на восточном направлении верного союзника – только что созданную КНР, располагавшую значительным военным потенциалом. В декабре 1949 г. состоялся визит Мао Цзэдуна в Москву, в рамках которого он встретился с И. В. Сталиным. Одним из результатов встречи двух руководителей-коммунистов стал подписанный 14 февраля 1950 г. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Вскоре в Советском Союзе были переведены на русский язык и изданы избранные произведения Мао Цзэдуна [1]. Руководил группой переводчиков этого издания видный советский философ и общественный деятель, академик АН СССР П. Ф. Юдин (1899–1968). К работе по переводу трудов китайского лидера были привлечены видные отечественные специалисты – Р. В. Вяткин, Б. С. Исаенко, В. С. Колоколов, Н. Н. Коротков, И. М. Ошанин, И. И. Советов, Н. Т. Федоренко, Л. З. Эйдлин, Цзен Сюфу, Чжоу Суньюань, Ши Чжэ.

Вскоре в СССР стала ощущаться потребность в еще большем количестве китаеведческих кадров, в первую очередь переводчиков, политических аналитиков и др. Кроме востоковедных учебных подразделений Ленинграда (например, восточного факультета ЛГУ), в Москве их подготовкой занимались в МИВ (в 1954 г. институт был объединен с Московским государственным институтом международных отношений МИД СССР – МГИМО), Военном институте иностранных языков (ВИИЯ), Высшей дипломатической школе (ВДШ) при МИД СССР, Институте внешней торговли

при Министерстве внешней торговли СССР, в Дальневосточном государственном университете (Владивосток). Но тем не менее это не способствовало улучшению ситуации, так как на развитии науки и китаеведения в частности не могли не сказаться сталинские репрессии 1930-х гг.

Огромный урон понесло российское китаеведение в этот период: жертвами массовых политических репрессий оказались Ю. К. Щуцкий (1897–1938), Н. А. Невский (1892–1937), Д. М. Позднеев (1865–1937), Б. А. Васильев (1899–1937), М. М. Абрамсон (1898–1938), П. А. Гриневич (1899–1938), П. А. Миф (Фортус; 1901–1938); длительное время провели в заключении Н. И. Конрад, М. И. Казанин, А. Г. Крымов, Г. С. Померанц, В. В. Вишнякова-Акимова, З. С. Дубасова и многие другие.

Необходимость подготовки новых востоковедных кадров обусловила появление в ряде гуманитарных учебных заведений СССР специализированных востоковедных отделений и кафедр. Так, на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова во второй половине 1940-х гг. была создана специальная кафедра по изучению стран Дальнего Востока (Китая, Кореи, Японии). Ее возглавляла Лариса Васильевна Симоновская (1902–1972), в то время ведущий специалист по древней и средневековой истории Китая. Одновременно с получением общего исторического образования студенты, обучавшиеся на этой кафедре, уже с первого курса изучали историю, экономику, географию, языки стран Дальнего Востока, в частности Китая. Для того чтобы стимулировать приток студентов на эту кафедру, первое время для тех, кто поступал на истфак, но недобирали один или даже два балла во время конкурсных экзаменов, делалось исключение – их принимали, но с условием специализации, начиная с первого курса, на востоковедных кафедрах.

Коллегой и заместителем Л. В. Симоновской был Георгий Борисович Эренбург (1902–1967), родственник известного писателя Ильи Эренбурга; специалист по новой и новейшей истории Китая, человек мягкий и чрезвычайно доброжелательный. Преподавателями кафедры по изучению стран Дальнего Востока, в частности Китая, были будущие корифеи отечественного китаеведения, в то время еще молодые ученые Владимир Николаевич Никифоров (1920–1990), специализировавшийся на изучении советской историографии Китая, и Михаил Филиппович Юрьев (1918–1990), изучавший историю вооруженных сил КПК и историю китайской революции 1925–1927 гг.

Китайский язык в те годы преподавали такие специалисты-филологи, как Л. Д. Позднеева (1908–1974) и А. П. Рогачёв (1900–1981). Любовь Дмитриевна Позднеева, признанный специалист в области архаичного языка китайских классических канонических текстов (*вэньянь*), была дочерью известного востоковеда Д. М. Позднеева (1865–1937). Многие годы она заведовала кафедрой китайской филологии на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Ее докторская диссертация, защищенная

в 1953 г., была посвящена изучению творчества видного китайского писателя Лу Синя [2]. В эти же годы Любовь Дмитриевна занималась также анализом китайской литературной традиции, в частности исследованием выдающегося произведения китайского литературного творчества – романа «Сон в красном тереме» («*Хун лоу мэн*»).

А. П. Рогачёв, изучавший китайский язык в Московском институте востоковедения, совершенствовал его во время длительных стажировок в Китае. Многие годы он посвятил переводу на русский язык ряда произведений китайской классической литературы.

В 1956 г. на базе востоковедных кафедр исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова был создан Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ, который, в свою очередь, в 1972 г. был реорганизован и получил название Институт стран Азии и Африки (ИСАА).

1950-е гг. ознаменовались появлением первых очерковых трудов по истории Китая. Они преследовали цель прежде всего показать этапы национально-освободительной борьбы китайского народа и развития китайской революции. Это были как самостоятельные очерковые истории Китая, так и отдельные главы по истории Китая в более общих трудах по истории стран зарубежного Востока, а также в начавшей издаваться в те годы многотомной энциклопедии по всемирной истории. Одними из первых работ на этом «очерковом этапе» в советском китаеведении стали совместный труд В. Н. Никифорова, Г. Б. Эренбурга и М. Ф. Юрьева «Народная революция в Китае: очерк истории борьбы и победы китайского народа» [3] (2-е изд., 1953), а также работа Г. Б. Эренбурга «Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время» [4]. Вслед за тем были изданы «Очерки истории Китая» Л. В. Симоновской, Г. Б. Эренбурга и М. Ф. Юрьева [5].

Назвать эти труды «сквозными», охватывающими многообразие проблем развития Китая, к сожалению, нельзя. В основном они касались политической истории, причем в основном модной в те годы темы «борьбы народных масс». Для этих работ были характерны слабая источниковедческая база (сказывалось недостаточное количество получаемой из КНР литературы, почти полное отсутствие контактов с китайскими коллегами), одностороннее влияние марксистско-ленинской идеологии, идеологизированный подход к освещению многих событий и их оценке (подгонка объективных исторических фактов под соответствующие постулаты классиков марксизма-ленинизма). Тематика многих работ была связана с «борьбой коммунистической партии Китая за...» и т. д. Следует иметь в виду, что в те годы вся научная деятельность, ее тематика находилась под пристальным контролем ЦК КПСС и цензуры. Вместе с тем не следует отрицать значение этих трудов, как и ряда других работ советских китаеведов тех лет, информировавших советскую общественность о Китае.

Институт китаеведения АН СССР

Важным событием в развитии отечественного китаеведения в научно-организационном плане стало создание в 1956 г. Института китаеведения в рамках АН СССР. Институт китаеведения отделился от Института востоковедения АН СССР, вобрав в себя не только большую часть кадрового состава Отдела Китая, но и некоторых сотрудников, владеющих китайским языком, из ряда других практических организаций СССР – Министерства иностранных дел, Министерства внешней торговли и др. Среди работавших в те годы во вновь созданном институте были Р. В. Вяткин, Л. И. Думан, Б. Н. Занегин, Н. М. Калюжная, М. Г. Прядохин, М. И. Сладковский, Г. Д. Сухарчук, В. Ф. Сорокин, Г. П. Гуревич, А. М. Григорьев и др.

Первым директором нового института назначен кандидат исторических наук Алексей Степанович Перевертайло (1897–1990), выпускник МИВ, заместитель Дальневосточного отдела Совинформбюро (1946–1951), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1950–1956). Институт начал выпускать журнал «Советское китаеведение».

Значительное влияние на развитие китаеведческой школы в те годы оказывали и труды китайских историков Фань Вэнь-ланя [6], Го Мо-жо [7], Шан Юэ [8] (историческое повествование в изданных под его редакцией «Очерках истории Китая» следовало привычному для китайского читателя порядку смены исторических династий), Пын Мина [9], переведенные в СССР по инициативе и с участием ряда сотрудников Института китаеведения.

Важным событием для отечественного китаеведения в эти годы было издание на русском языке ряда классических произведений традиционной китайской литературы – романов средневекового Китая. К их переводу были привлечены видные отечественные литературоведы – знатоки китайского языка. Так, в 1954 г. в переводе В. А. Панасюка (1924–1990) под редакцией В. С. Колоколова (1896–1979) был издан крупнейший роман китайского Средневековья, по существу, первый китайский роман – историческая эпопея «Троецарствие» («*Сань го яньи*») Ло Гуаньчжуна (1330–1400) [10]. Роман повествует о междоусобице, последовавшей после падения династии Хань в III в. н. э. В 1955 г. в переводе А. П. Рогачёва был издан другой классический роман китайского литератора Ши Най-аня (1300–1370) «Речные заводи» («*Шуй ху чжуань*») [11], в котором содержался рассказ о повстанческом движении в конце правления династии Северная Сун (960–1127). В 1958 г. на русском языке появилось выдающееся произведение китайской классической прозы – роман «Сон в красном тереме» («*Хун лоу мэн*»), автором которого принято считать Цао Сюэ-циня (1715–1763) [12]. Этот роман, который иногда сравнивали с произведениями О. де Бальзака или Л. Н. Толстого, повествовал об истории двух богатых китайских аристократических домов

и подробно описывал нравы той эпохи. Наконец, в 1959 г. в переводе А. П. Рогачёва вышел традиционный китайский роман – монументальная эпопея У Чэн-эня (1500–1582) «Путешествие на Запад» («*Си ю цзи*») [13], повествующая о путешествии монаха танской эпохи Сюань-цзана за буддийскими священными книгами.

Издание самых выдающихся романов в истории традиционной китайской литературы следует считать важным достижением отечественного китаеведения тех лет. Конечно, китайская литература своеобразна с точки зрения лексики, характеристики персонажей, их взаимоотношений, построения сюжетов и т. д. Китайской литературной классике еще предстоит найти путь к российскому читателю, но первый шаг в этом направлении был уже сделан в те годы.

Из научных публикаций, относящихся к периоду существования Института китаеведения АН СССР (точнее, к его завершающему периоду), отметим: 1) большую капитальную работу «Очерки истории Китая в новейшее время» [14], подготовленную коллективом отечественных китаеведов во главе с А. С. Перевертайло (В. И. Глунин, К. В. Кукушкин, Г. В. Астафьев, Т. Н. Акатова, В. П. Илюшечкин и др.); 2) публикацию докторской диссертации С. Л. Тихвинского (1918–2018), защищенную в 1953 г., «Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй» [15] (в 1962 г. она была переведена на китайский язык и издана в КНР).

Под руководством С. Л. Тихвинского

В 1959–1960 гг. директором Института китаеведения стал С. Л. Тихвинский. С одной стороны, советское руководство стремилось повысить уровень Института, в состав которого входил отдел, занимающийся изучением Китая и, соответственно, поставляющий в ЦК КПСС информацию о событиях в КНР (в тот период уже начали возникать трения между КПСС и КПК). Статус С. Л. Тихвинского – тогда единственного среди советских специалистов по Китаю, имеющего звание доктора наук, видного сотрудника МИДа (прошедшего дипломатическую службу в Китае, Великобритании, Японии) – должен был, в свою очередь, продемонстрировать китайской стороне, какое значение СССР придает отношениям со своим дальневосточным соседом. Однако реакция китайской стороны оказалась прямо противоположной. В Китае посчитали, что китаеведение – наука колонизаторов, и сотруднику советского посольства в КНР Н. Г. Сударикову было высказано настойчивое требование прекратить «вмешательство во внутренние дела Китая». В Москве возмущение КНР наличием в СССР специального учреждения по изучению Китая восприняли как указание к действию – в итоге Институт китаеведения был закрыт. Вместе с ним прекратил существование и научный журнал «Советское китаеведение» (вышло всего два номера). Так в 1960 г. по китаеведению в Советском Союзе был нанесен ощутимый удар.

Новый период развития отечественного китаеведения был также связан с организационными моментами. Большинство сотрудников ликвидированного Института китаеведения АН СССР в 1960 г. были переведены в Институт востоковедения АН СССР (который в свете постановления Президиума АН СССР от 13 мая 1960 г. был переименован в Институт народов Азии АН СССР – ИНА) и влились в существующий там Отдел Китая. Первые два года его возглавлял С. Л. Тихвинский, ставший одновременно заместителем директора Института народов Азии, чл.-корр. АН СССР Б. Г. Гафурова (1908–1977) (директор Института востоковедения/Института народов Азии в 1956–1977).

Отдел Китая как подразделение ИНА с самого начала своего нового существования получил определенную автономию. Эта автономия выражалась не только в характере научной тематики (научные интересы большинства сотрудников ориентировались на изучение традиционного Китая, а также его новой истории), но даже в его территориальном расположении. Новому отделу предоставили помещение не в стенах ИНА (который располагался в Армянском переулке), а в здании в Хохловском переулке (в районе Покровских ворот).

Что касается общей ситуации в 1960-е гг., то в это время начался период «оттепели» и одновременно ужесточилась полемика между КПСС и КПК, усложнились отношения между СССР и КНР.

Возможно, именно последнее обстоятельство стимулировало активность группы китаистов, как ученых, так и специалистов-практиков, поставивших вопрос о создании нового закрытого подразделения по Китаю. Важную роль в этом процессе сыграл С. Л. Тихвинский, который, руководя отделом Китая ИНА, регулярно обращался в ЦК КПСС с предложением о создании специального закрытого учреждения в рамках Академии наук для более детального изучения происходивших в КНР и КПК процессов. Инициатива С. Л. Тихвинского была поддержана в ЦК КПСС (в частности, Л. П. Делюсиным, ответственным консультантом в Международном отделе ЦК КПСС). Результатом явилось создание в 1965 г. закрытого Отдела истории при Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР. Располагался этот отдел в здании Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в районе ВДНХ), но занимался вопросами современного Китая и составлял справки для ЦК КПСС, МИД СССР, КГБ и т. д. В этом подразделении начали работать, переориентировавшись на современную тематику, многие видные отечественные китаеведы, в частности В. И. Глунин, А. М. Григорьев, Б. Н. Занегин, Ю. В. Новгородский, В. Ф. Сорокин, Г. Д. Сухарчук, А. С. Ипатова, А. А. Волохова (Монина) и др.

В конечном итоге по решению ЦК КПСС в соответствии с постановлением Президиума Академии наук СССР от 23–30 сентября 1966 г. был создан Институт Дальнего Востока АН СССР. В 1967–1985 гг. его первым директором был М. И. Сладковский, начиная с 1985 г. – М. Л. Титаренко.

Важным стало определенное «разделение труда» между двумя научными китаеведческими подразделениями Москвы. Отдел Китая, сохранившийся в рамках ИНА (в дальнейшем – Институт востоковедения АН СССР), был призван заниматься вопросами истории, экономики, культуры Китая до 1949 г., т. е. до образования КНР. Соответственно тематикой Института Дальнего Востока становились проблемы современного Китая.

В то время в Отделе Китая работало более 50 человек в нескольких секторах – древней и средневековой истории Китая, новой и новейшей истории и экономики Китая, сектор Большого китайско-русского словаря (БКРС). В дальнейшем появился сектор идеологии и культуры.

Определить Отдел Китая того времени только как коллектив единомышленников недостаточно. Скорее это был коллектив научных индивидуальностей – каждый занимался своим научным сюжетом, обладая относительно свободным правом выбора той научной темы для исследования, к которой по тем или иным причинам был расположен. Какой-либо системы в выборе тематики исследований не сложилось. К счастью, эта тематика не задавалась сверху, и проблема актуальности тех или иных научных сюжетов понималась достаточно широко. По характеру своей подготовки большинство научных сотрудников отдела были больше склонны к изучению политической истории и культуры Китая. В советском китаеведении каких-либо научных школ, возглавляемых выдающимися учеными, к тому времени не сложилось. Начальствующие функции, которые были возложены на определенных сотрудников отдела (ученый секретарь, секретарь партийного бюро или руководитель профсоюзной организации), признавались коллективом, но не играли главенствующей роли. Авторитет каждого сотрудника завоевывался его научными достижениями (представленными к публикации текстами), которые признавали его коллеги. Впрочем, научные споры, возникавшие в ходе обсуждения тех или иных работ или в ходе научных дискуссий, могли или разводить людей, в том числе и в личном плане, или, наоборот, сплачивать в те или иные научные группы.

Отдел Китая начал свою деятельность в условиях почти полного прекращения научных контактов и книгообмена с КНР в 1962–1984 гг. Холодная война также резко ограничила научные связи советских китаеведов и с западными коллегами, хотя отдельные взаимные контакты спорадически имели место.

Под руководством Р. В. Вяткина

После ухода С. Л. Тихвинского Отдел Китая возглавил Рудольф Всеволодович Вяткин (1910–1995). Это был серьезный ученый и прекрасный китаист. Он происходил из рода сибирских казаков, хотя родился в г. Базель (Швейцария) в семье российского политэмигранта. За его спиной была довольно длительная военная служба, начавшаяся еще

красноармейцем в Особой Дальневосточной армии под командованием В. К. Блюхера. После окончания в 1939 г. китайского отделения Восточного факультета Дальневосточного государственного университета, где его учителями были видные отечественные китаеведы К. А. Харнский и А. В. Рудаков, в течение 17 лет он работал преподавателем на курсах военных переводчиков Тихоокеанского флота, затем в Военном институте иностранных языков, где заведовал кафедрой китайского языка. Демобилизовавшись в 1956 г. в чине подполковника из Советской армии, Р. В. Вяткин начал работать в системе Академии наук СССР, сначала в должности младшего научного сотрудника в Отделе Китая Института востоковедения АН СССР, но вскоре стал заместителем директора созданного Института китаеведения АН СССР, одновременно возглавив Сектор публикации памятников истории и культуры Китая. Р. В. Вяткин был требовательным администратором, стиль его поведения всегда отличала огромная требовательность к себе и подчиненным и глубокая внутренняя порядочность. Круг его научных интересов многогранен – история китайской исторической науки, в частности творчество древних китайских историографов (Сыма Цяня, Лю Чжици, Ван Чуна) и современная китайская историография, памятники китайской культуры и современная синология в США, англо-китайские отношения в Новейшее время и деятельность советских советников в Китае в 20–30-е гг. прошлого века.

В Отделе Китая Р. В. Вяткин начал реализацию своего главного творческого замысла – полный научный перевод на русский язык выдающегося памятника китайской культуры – «Исторических записок» («Ши цзи»), составленных придворным историографом династии Хань Сыма Цянем (145–86 до н.э.). Этот труд охватывал период от легендарного Желтого императора (*Хуан-ди*) до правления императора династии Хань – У-ди (140–87 до н.э.). «Исторические записки» – капитальный труд, состоявший из 130 глав и включавший более полумиллиона иероглифов, за перевод которого брались многие ученые мирового класса (в частности, европейские и американские китаеведы – Э. Шаванн, Б. Уотсон, Р. Рейнолдс), но никто не довел его до конца. Этому титаническому труду (в самом начале в содружестве со своим коллегой, сотрудником отдела В. С. Таскиным, 1917–1995) Рудольф Всеволодович отдал почти 40 лет своей жизни. Он даже отказывался от многочисленных предложений заняться оформлением докторской диссертации, считая, что это отвлечет его от главной научной цели – перевода «Ши цзи». Правда, уже незадолго до его кончины, учитывая огромные научные заслуги Р. В. Вяткина, по ходатайству научной синологической общности Президиум АН СССР присудил ему ученую степень доктора *Honoris Causa* – редчайший случай в практике советской Академии наук в отношении отечественного ученого.

Р. В. Вяткин много ездил по стране, выступая с лекциями о Китае, развивая чувство дружбы между нашими народами. В его душе были заложены и романтические начала – Рудольф Всеволодович, например, писал стихи, правда, никогда их не публиковал, но иногда читал их на вечерах в отделе. Вспоминаются, в частности, такие строфы под названием «С концерта», написанные Вяткиным в 1974 г.:

«Скерцо и вальсы Шопена, стаккато тонкая вязь,
Прозрачные трели Равеля и – повседневная грязь.
Как совместить антиподы: тонких элегий грусть,
Водку и мат на дорогах, Монбланы мыслей и чувств?»

Р. В. Вяткин немало сделал для более полного ознакомления советских людей с культурой китайского народа. Своеобразным культуроведческим путеводителем стал его справочник по важнейшим китайским культурным достопримечательностям «Музеи и достопримечательности Китая» [16]. Откликнулся он и на современные тенденции в политической жизни КНР (напр., см.: [17]).

Коллег всегда удивляла интеллигентность Р. В. Вяткина, его огромная научная эрудиция, а также его толерантность, терпимость к суждениям своих коллег, не всегда совпадавшими с его собственными. В период сложных событий 1968 г. в ЧССР (ввод в эту страну объединенных вооруженных сил ряда стран Варшавского договора для ликвидации попыток установить там «социализм с человеческим лицом») Р. В. Вяткин не отказался от поддержки своих чешских коллег, например, попавшего в политическую опалу доктора Т. Покоры. Волна, поднятая в связи с этим партийными ортодоксами Института востоковедения, вынудила его подать в отставку с должности заведующего Отделом Китая.

К сожалению, безвременная кончина Рудольфа Всеволодовича оборвала его работу над любимым детищем ученого (незавершенными остались 13 глав). Да и издание уже подготовленных к печати глав продвигалось с трудом. Целеустремленность Р. В. Вяткина наталкивалась и на конъюнктурные соображения, и на бюрократическое равнодушие. В конечном счете победил ученый, но это далось тяжелой ценой – стрессы не прошли даром. Р. В. Вяткин перенес четыре инфаркта и не меньше трех инсультов. И тем не менее продолжал работать как одержимый... Полное издание всего текста «Исторических записок» с комментариями было завершено только в 2010 г., почти через 40 лет после выхода 1-го тома. Большую работу для завершения этого труда проделали А. Р. Вяткин (сын Р. В. Вяткина) и А. М. Карапетьянц. Подготовленный А. Р. Вяткиным сборник воспоминаний о жизни и деятельности своего отца Р. В. Вяткина [18].

Во второй половине 1950-х и 1960-е гг. советским китаеведам в отдельных случаях были разрешены поездки в страны как Запада, так и в КНР на различные научные конференции, что имело отношение

лишь к китаеведческому руководству. Это позволило начать непосредственные контакты с зарубежными коллегами и информировать их о достижениях российской востоковедной науки, которая в силу языкового барьера развивалась достаточно автономно. Так, еще в бытность в Институте китаеведения Р. В. Вяткин был участником X (Марбург, 1957), XI (Падуя, 1958), а затем и XVII (Лидс, 1965) Международных конференций синологов, XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, 1960). Он поддерживал регулярные контакты с видными американскими специалистами – Д. И. Фербенксом, О. Латтимором, Г. Крилом, Д. Бодде, немецким ученым Г. Франке, китайскими историками Хоу Вайлу и Гу Цзеганом.

Важной работой Отдела Китая в 1960-е гг. стало написание и подготовка издания «Новой истории Китая». Инициатором создания этого фундаментального труда стал С. Л. Тихвинский, который в качестве ответственного редактора привлек в авторский коллектив значительную часть своих сотрудников (около 15 человек). Хронологически монография охватывала период правления династии Цин и первые годы существования Китайской Республики (1644–1919). Обсуждение рукописи проходило в жарких спорах. Многие высказанные замечания и уточнения в дальнейшем были учтены главным редактором. Написанная с привлечением ряда китайских источников и с учетом некоторых трудов китайских и западных синологов, монография расширяла знакомство русскоязычного читателя со многими фактами китайской истории и их интерпретацией (естественно, на уровне развития отечественной синологии тех лет) [19].

Параллельно с написанием «Новой истории Китая» по инициативе С. Л. Тихвинского в отделе началось формирование ряда тематических сборников научных статей, посвященных отдельным сюжетам китайской новой истории. Так, к 50-летию революции 1911 г. был подготовлен сборник «Синьхайская революция в Китае» [20]. В статьях другого сборника «Маньчжурское владычество в Китае» [21] более детально рассматривались отдельные проблемы покорения Китая в XVII в. армией маньчжуро-чжурчжэньских племен, характеристика цинского управления Китаем, наконец, различные направления антиманьчжурской борьбы.

В ознаменование 100-летнего юбилея со дня рождения Сунь Ятсена С. Л. Тихвинский организовал под своей редакцией перевод и издание впервые на русском языке избранных произведений виднейшего представителя китайской политической жизни [22]. Редакция переводов осуществлялась ведущими синологами – И. М. Ошаниным, Б. С. Исаенко, Н. Н. Коротковым. В составлении примечаний и унификации терминов участвовали многие сотрудники Отдела Китая – А. М. Григорьев, Б. Г. Мудров, Л. Н. Борох, Г. В. Мелихов и др. Второе, более полное издание сочинений Сунь Ятсена с включением в него «Трех народных принци-

пов», было предпринято в 1985 г. Конечно, оценка деятельности и идей Сунь Ятсена в те годы в большинстве случаев строилась в свете ортодоксальных марксистско-ленинских постулатов («народнический социализм» и т. д.), что отражало и уровень источниковедческой базы тех лет, но главное – партийно-идеологическую цензуру.

Отметим, что сотрудники Отдела публиковали свои статьи в специальном журнале, с определенной периодичностью выпускаемым ИНА. Конечно, следует учитывать уровень синологических исследований тех лет, характер научных оценок, часто привязанных к марксистско-ленинским постулатам или терминам типа «китайская буржуазия», «китайские помещики», «мелкобуржуазная интеллигенция», «опиумные войны», односторонняя оценка «западных колонизаторов» и т. п. Тем не менее публикации тех лет свидетельствуют если не о прорыве, то об определенном шаге вперед в развитии отечественного китаеведения. 1960–1970-е гг., на наш взгляд, явились переходом в развитии отечественной синологии от очерково-познавательной стадии к исследовательско-монографической.

Начиная со второй половины 1950-х гг. отечественное востоковедение, включая китаеведение, получило большие возможности для публикации работ ученых. Большую роль в этом сыграло Издательство восточной литературы (ИВЛ) и его директор с 1957 г. О. К. Дрейер (1919–1997).

Определенный вклад в разработку проблем идеологии древнего Китая, в частности соотношения и развития философско-политических течений конфуцианства и легизма, становления и политики циньской монархии внес Л. С. Переломов (род. 1928). Продолжив исследование взглядов «школы закона» (*фацзя* – легистов), Л. С. Переломов проделал большую работу по переводу и комментированию памятника китайской традиционной философско-политической мысли – трактата легистской школы IV в. до н. э. «Книги правителя /области/ Шан» («*Шан цзюнь шу*») [23] (второе дополненное издание вышло в 1993 г., третье – в 2007 г.). Исследование проблем конфуцианства и легизма в политической истории Китая Л. С. Переломов продолжил после 1971 г., перейдя в Институт Дальнего Востока.

Разработкой проблем, связанных с историей древних монголов XII–XIV вв., занимался Н. Ц. Мункуев (1922–1985). Выпускник ВИИЯКА, участник Великой Отечественной войны, он был одним из первых советских китаеведов, который глубоко исследовал китайские источники по истории средневековой Монголии и монгольских правителей Китая. Важным направлением его научного творчества был перевод и публикация редких китайских источников. Так, в 1965 г. он опубликовал свой перевод и прокомментировал надгробную надпись на могиле одного из китайских советников первых монгольских ханов Елюй Чу-цяя (1189–1213) [24]. В 1975 г. в серии «Памятники письменности Востока»

Н. Ц. Мункуевым был издан перевод с комментариями важного памятника по истории древних монголов – «Полное описание монголо-татар» («*Мэн-да бэй-лу*») [25]. В 1985 г. вместе с коллегами им было переведено «Жизнеописание Чжу Юань-чжана», принадлежащее перу китайского историка, драматурга и публициста У Ханя (1909–1969). Выступив в завуалированной форме против авторитарного режима Мао Цзэдуна, У Хань навлек на себя гнев властей, был арестован в период «культурной революции» и погиб в тюрьме. Публикация перевода этой книги, что не исключено, была реакцией советской научной общественности на явление авторитаризма как в КНР, так и в СССР.

Говоря о публикациях 1960-х гг, подготовленных Отделом Китая, следует назвать и перевод избранных статей и речей видного китайского политического и общественного деятеля, одного из первых пропагандистов марксизма в Китае, организатора революционного движения Ли Дачжао (1889–1927) [26]. Составителем и переводчиком работ Ли Дачжао был Ю. М. Гарушянц, в то время преподаватель Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Ю. М. Гарушянц, сверявший тексты Ли Дачжао с их первыми публикациями, написал к изданию большое предисловие, в котором критически проанализировал творчество китайского революционера.

Среди научных сотрудников Отдела Китая, начавших в нем работать в 1960-е гг. и заявивших о себе своими научными трудами, кроме отмеченных выше, стоит упомянуть В. П. Илюшечкина, Н. М. Калюжную, Л. Н. Борох, Л. С. Васильева, А. Г. Крымова, А. С. Костяеву.

Василий Павлович Илюшечкин (1915–1996), выпускник истфака ЛГУ, участник Великой Отечественной войны, доктор исторических и философских наук, человек, который всегда категорично и достаточно жестко отстаивал свою точку зрения. Хотя круг его научных интересов был достаточно широк (он писал и о гражданской войне в Китае в 1945–1949 гг., и о движении «4 мая» 1919 г.), главной темой его научных интересов было движение тайпинов 50–60-х гг. XIX в. По существу, вплоть до настоящего времени он остается непререкаемым авторитетом в разработке этого важнейшего сюжета китайской истории. Еще в 1960 г. им был составлен (вместе с О. Г. Соловьевым), организован перевод и подготовлен к печати сборник важнейших документов тайпинского движения [27]. Результаты своих исследований этой темы В. П. Илюшечкин обобщил в большой монографии [28].

Важное место в научном творчестве В. П. Илюшечкина заняли теоретические проблемы политэкономии, в частности теория общественных формаций, причем его точка зрения часто не совпадала с общепринятой в то время марксистской платформой. Свою позицию на протяжении 70–80-х гг. В. П. Илюшечкин изложил в ряде опубликованных им статей, например о рентном способе эксплуатации в добуржуазных обществах

древности, Средневековья и Нового времени. Он считал, что господство рентных способов эксплуатации, включая земельную ренту-налог, является общей закономерностью для всех добуржуазных обществ, в том числе Китая. Позиция Илюшечкина вызвала неоднозначную реакцию в научных кругах Института востоковедения, послужив началом интересных и оживленных дискуссий по различным проблемам истории Востока, в частности Китая, о рабовладельческой и феодальной формациях, «азиатском способе производства», классовой базе суньятсенизма и др.

Экономическую историю Китая, а именно развитие товарных отношений в деревне и мануфактурного и фабричного капитала, продолжал исследовать в своих трудах О. Е. Непомнин [29]. Правда, коллеги упрекали автора в категоричности ряда суждений и выводов, в стремлении «ускорить» развитие капиталистических отношений в Китае, распространить их развитие в отдельных районах (преимущественно приморских) чуть ли не на всю страну, недостаточный показ в этом процессе надстроечных компонентов.

Важный сюжет в истории Китая – восстание ихэтуаней 1898–1901 гг. – предмет многолетнего исследования (на протяжении более 20 лет) Н. М. Калюжной (род. 1924). Она продемонстрировала коллегам поэтапную классическую схему научного исследования: изучение источников, историография исторического сюжета, наконец, написание текста и изложение собственных выводов. В 1968 г. в качестве составителя, переводчика, автора предисловия и примечаний, проделав скрупулезную работу, она подготовила и впервые на русском языке выпустила в свет полный сборник документов и материалов о восстании ихэтуаней [30]. Через 5 лет, в 1973 г. ею была опубликована историография вопроса [31]. Наконец, в 1978 г. после защиты Ниной Михайловной диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук ею была издана монография о восстании ихэтуаней [32].

Под руководством А. П. Делюсина

Важным этапом в развитии отдела Китая стало назначение на должность его руководителя Льва Петровича Делюсина (1923–2013). Он был участником Великой Отечественной войны, выпускником МИВ и начал свою трудовую жизнь в качестве корреспондента газеты «Правда». Затем по приглашению академика А. М. Румянцева работал в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», после чего стал ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС в отделе по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, которым в то время руководил Ю. В. Андропов. Здесь Делюсин работал в контакте с видными советскими политологами – Г. А. Арбатовым, А. Е. Бовиным, Г. Х. Шахназаровым, Ф. М. Бурлацким. В этом отделе ЦК КПСС начали поощряться достаточно откровенные разговоры и дискуссии по различ-

ным вопросам советской внутренней и внешней политики, в том числе касающиеся и положения в КНР. Уже в то время Л. П. Делюсин активно выступал за необходимость тщательного анализа истоков советско-китайского конфликта, поддерживал идею создания закрытого подразделения по Китаю, который в дальнейшем превратился в Институт Дальнего Востока.

С этими достаточно новыми идеями и настроениями Л. П. Делюсин и пришел в Отдел Китая, где проработал более 20 лет, придав его деятельности новый импульс. Его политика в отделе была многообразной. Надо отдать должное Льву Петровичу – он не стремился следовать дисциплинарным традициям «пунктуалиста» Р. В. Вяткина, давая возможность каждому сотруднику работать в тех условиях, которые каждый считал для себя наиболее целесообразными (библиотека, дом, служебное помещение). Л. П. Делюсин прекрасно знал цену каждому сотруднику – и в научном, и в человеческом плане. Коллектив, в свою очередь, отвечал ему заслуженным уважением.

Л. П. Делюсин не стремился переориентировать сотрудников на проблемы современности. С одной стороны, он поощрял исследования традиционного Китая, научный перевод и публикацию памятников китайской культуры. В частности, большую работу в этом направлении проделал Всеволод Сергеевич Таскин (1917–1995). Прекрасно зная китайский язык, он перевел и издал ряд материалов китайских историков (Сыма Цяня, Бань Гу, Фань Е и др.) о кочевых народах в Китае – сюнну, ухуаней, саньи, мужунов, цзе. Одновременно Таскин проделал огромную работу по переводу, составлению примечаний и многочисленных указателей (имен, прозвищ, титулов, названий храмов, дворцов, ворот) замечательного памятника по истории государства и права древнего Китая – «Го юй» («Речи царств»). Конфуцианская теория государства излагается в этом памятнике на исторических примерах, приводимых в речах исторических лиц восьми древних царств – Чжоу, Лу, Ци, Цзинь, Чжэн, Чу, У, Юэ. Памятник содержит массу сведений о различных сторонах жизни древнекитайского государства.

С другой стороны, Л. П. Делюсин открывал дорогу новым интерпретациям китайской истории, идеологии, традиционной культуры, большие возможности для изложения точек зрения западных синологов. Интересно в этом плане научное творчество Л. С. Васильева (1930–2015), которому предоставлялась достаточная творческая свобода научного самовыражения. Хотя первое время он занимался аграрными отношениями и социальной структурой общества в древнем Китае, опубликовав в 1961 г. текст своей кандидатской диссертации [33], в дальнейшем его увлекли культуроведческие и традиционалистские сюжеты. Л. С. Васильева часто упрекали в слабом знании китайского языка и чрезмерном использовании англоязычных материалов, что, по мнению ряда

его коллег, уводило его от китайских источников в теоретизирование, в построение интересных, но нередко вступающих в противоречие с фактами схем. Во всяком случае, он одним из первых советских китаеведов стал продвигать исследование таких сюжетов, как проблемы генезиса китайской цивилизации и китайского государства, религиозно-культурных традиций Китая, основ психологии китайцев и их поведения, в частности проблемы этики и ритуала и т. п. В 1970 г. он издал большую работу, которая привлекла внимание ученых как новизной сюжета, так и оригинальностью решения ряда поставленных проблем, – «Культы, религии, традиции в Китае» [34]. Л. С. Васильев занимался сравнением христианства и конфуцианства, проблемами типологии докапиталистических структур (феноменом власти-собственности), идеологией общественных движений в дубуржуазных обществах Азии.

Проблемы развития китайской общественной мысли заняли важное место в тематике исследований Л. Н. Борох (1933–2011). После окончания ИВЯ при МГУ и работы в Институте китаеведения, с 1961 г. она продолжила свою научную деятельность в Отделе Китая, где проработала до 2009 г. Л. Н. Борох всегда отличалась скрупулезным подходом к первоисточникам и историографии, что дало ей возможность внести большой вклад в исследование философской и социально-политической мысли Китая. Ее первая монография «Союз возрождения Китая» [35] стала новым словом в отечественной синологии. Обратившись к периоду ранней политической биографии Сунь Ятсена, Л. Н. Борох в определенном смысле пошла против академической традиции, односторонне трактовавшей проблему влияния западных идей на китайского революционера, вскрыв сложный идеологический комплекс, включавший традиционные китайские идеи, на базе которого и формировались взгляды Сунь Ятсена. В конечном счете это привело ее к рассмотрению процесса «поиска истины на Западе», т. е. рецепции западных интеллектуальных достижений представителями китайского революционного и демократического движения. Она вплотную подошла к исследованию фундаментальных проблем развития и трансформации китайской духовной культуры – пересмотру традиционного конфуцианства под влиянием западных идей. Результатом стали серия статей и монография «Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.)» [36], на основе которой в 1985 г. была защищена докторская диссертация. В новой книге Л. Н. Борох исследовала влияние китайской утопической традиции на процесс восприятия китайским обществом западных учений. Рассматривая теории Сунь Ятсена, Лян Цичао и Кан Ювэя, Л. Н. Борох сумела показать, что интерес китайских деятелей к социализму подпитывался национализмом, который они противопоставляли социалистическим идеалам.

Л. Н. Борох была одним из организаторов и научных редакторов серии новаторских, противостоящих официозу и имевших значитель-

ный научный резонанс изданий Отдела Китая по актуальным проблемам китайской общественно-политической и философской мысли: «Китай: поиски путей социального развития» [37], «Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики» [38], «Общественные науки в КНР» [39], «Китайские социальные утопии» [40], «Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX – начало XX в.)» [41], «Личность в традиционном Китае» [42], «От магической силы к моральному императиву: категория *дэ* в китайской культуре» [43].

Развитием новых идей и взглядов, получивших развитие в Отделе Китая и в определенной степени противостоящих официальной идеологической ортодоксии, стал сборник статей «Китай: традиции и современность» [44], вышедший под ответственной редактурой Л. П. Делюсина. В ряде статей сборника, в частности о паназиатизме и китаецентризме у китайских реформаторов и революционеров начала XX в., о соотношении традиционной и маоистской модели личности, о влиянии традиций на маоизм и др., имел место своего рода резонансный подход к политике и идеологии старого и нового Китая. Правда, авторы отмечали, что изучение старокитайских традиций и форм политического мышления и социального поведения позволяет понять лишь отдельные стороны жизни современного Китая, трудного перехода к новым формам социальной организации. Любопытен был факт публикации в этом сборнике (под псевдонимом Соломин) статьи опального российского философа, культуролога и эссеиста, участника диссидентского движения Г. С. Померанца (1918–2013), подписавшего письмо в защиту участников демонстрации 25 августа 1968 г. на Красной площади против ввода советских войск в ЧССР. Безусловно, в тех условиях это был смелый и рискованный шаг со стороны руководства отдела.

Важнейшим направлением деятельности Отдела Китая в те годы было создание многотомного Большого китайско-русского словаря под редакцией И. М. Ошанина (1900–1982). В составе словарной группы работали такие видные специалисты по китайскому языку, как В. С. Кузес, Б. Г. Мудров, О. Г. Соловьев и др. Сам И. М. Ошанин пользовался большим авторитетом и уважением среди сотрудников. Многие знали, что еще в 1927–1928 гг. в качестве военного переводчика он работал в группе советских военных советников в Китае и даже участвовал в боевых операциях. В 1983–1984 гг. Большой китайско-русский словарь, содержащий 250 тыс. слов и выражений, был, наконец, издан и стал играть важную роль в научной деятельности отечественных китаеведов. В 1986 г. его главный редактор И. М. Ошанин был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Коллектив и деятельность отдела в 1960–1970-х гг. оживило появление в стенах Института группы ветеранов китайской революции и национально-освободительной борьбы китайского народа. Многие из них

подверглись сталинским репрессиям в 1930-е годы, отсидели тюремные сроки и были реабилитированы в 1953–1956 гг. Так, в отделе в качестве научно-технического сотрудника работала З. С. Дубасова, которая еще в 1920-х гг. входила в состав группы советников в Китае. За личное знакомство со второй женой маршала В. К. Блюхера Галиной Кольчугиной, расстрелянной в 1938 г., Зоя Сергеевна получила «срок», долгие годы провела в исправительно-трудовом лагере МВД СССР в Сибири и только в 1950-х гг. вернулась в Москву.

Гвардии генерал-майор Н. И. Кончиц (1890–1975), прошедший школу Первой мировой и Гражданской войн, участник Великой Отечественной войны, а в 1925–1926 гг. работавший в составе группы советских военных советников при правительстве Сунь Ятсена, предложил сотрудникам Отдела познакомиться с его дневниковыми записями и воспоминаниями о работе в Китае, которые после одобрения были изданы в 1969 г. [45].

Наиболее колоритной фигурой среди этой первой группы советских ветеранов, работавших в Китае в 1920-х гг., был Марк Исаакович Казанин (1899–1972). Это был человек удивительной, по-своему уникальной судьбы. С 1907 по 1917 г. он жил в Харбине, где его родители работали на КВЖД. Там окончил коммерческое училище, затем учился во Владивостокском институте восточных языков. В 1920 г. в его судьбе произошел почти фантастический случай, возможный только в эпоху революции. В мае 1920 г. он получил телеграфный вызов в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) от Совета министров Дальневосточной Республики (ДВР) с предложением отправиться в качестве секретаря дипломатической миссии в Пекин для переговоров об установлении внешнеполитических связей. В 1926–1927 гг. М. И. Казанин вновь приезжает в Китай, на этот раз на юг, в провинцию Гуанчжоу, в штаб главного военного советника В. К. Блюхера. По возвращении на родину он активно включился в научную и преподавательскую работу, которую прервали незаконные репрессии. 15 лет своей жизни (в 1937–1942 и 1948–1956) Марк Исаакович провел в заключении.

Вернувшись после вынужденного перерыва к нормальной жизни, он сосредоточился на изучении сложных проблем истории ранних русско-китайских отношений [46]. Продолжая исследование этой темы, М. И. Казанин ввел в научный оборот два интереснейших источника – дневники иезуитов-миссионеров Жербийона и Перейры, выступавших в качестве дипломатических консультантов при маньчжурском посольстве во время Нерчинских переговоров 1689 г.

М. И. Казанин заявил о себе не только как серьезный ученый, но и как прекрасный писатель-мемуарист. Написанные и представленные на обсуждение отдела его мемуарные записки об участии в дипломатической миссии 1920–1921 гг. и пребывании в штабе В. К. Блюхера были

встречены с большим интересом (по существу, это были первые работы такого рода, которые обсуждал коллектив) и одобрены к печати. Более серьезные проблемы возникали у автора уже при работе с цензорами и с внешними рецензентами. Не стоит забывать, что это было время наступления консерваторов на «хрущевскую оттепель». Началась охота на диссидентов. Не положено было вспоминать некоторые имена, например имя главы посланной в Пекин миссии Дальневосточной Республики (ДВР), поляка И. Л. Дзевялтовского (Юрина) (первого советского коменданта Зимнего дворца, который в середине 1930-х гг. сбежал в Польшу и был назван «изменником»), и ряд др. Идея историзма, которой придерживался М. И. Казанин, оказалась чужда некоторым рецензентам. Мемуары Марка Исааковича все же были опубликованы [47]. М. И. Казанин проявил себя и как занимательный писатель-романист: в 1964 г. вышла в свет его приключенческая повесть «Рубин эмира Бухарского».

Важными и плодотворными для коллектива отдела были творческие контакты еще с одним видным советским китаеведом, также пострадавшим в годы сталинских репрессий, – Петром Емельяновичем Скачковым (1892–1964). После окончания Ленинградского института живых восточных языков он работал в Китае в качестве переводчика в группе советских военных советников в период разразившейся там революции 1925–1927 гг. После возвращения он издал первую в СССР «Библиографию Китая – систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке (1730–1930)» [48]. Справочник вызвал большой интерес среди западных синологов, следствием чего явился его полный перевод на английский язык и издание в США в 1948 г. Незаконный арест и ссылка на 15 лет оторвали П. Е. Скачкова от творческого труда.

После реабилитации П. Е. Скачков проделал поистине титаническую работу по подготовке и изданию нового библиографического справочника по Китаю, который дополнял материал, изданный в 1932 г. [49].

Последние годы своей жизни П. Е. Скачков трудился над рукописью работы по истории русского китаеведения. В книге последовательно была изложена история изучения Китая в России на протяжении более чем 250 лет. Петр Емельянович представил биографии многих российских китаеведов, осветил историю изучения китайского языка. К сожалению, смерть помешала ему окончательно отредактировать рукопись. Рекомендованная к печати Институтом востоковедения и Институтом Дальнего Востока АН СССР, книга, в конце концов, была издана (через 13 лет после кончины автора) [50].

Важной работой отдела в 1960–1970-х гг. была публикация воспоминаний бывших отечественных советников, помогавших революционному Китаю в 1925–1927 гг. Как известно, многие из них погибли в годы сталинских репрессий. Необходимо было разыскать оставшихся в живых, оказав им помощь в написании воспоминаний. Л. П. Делюсин

в значительной степени инициировал издание этих важных материалов советско-китайских отношений. Одними из первых документов такого рода стали «Записки волонтера» В. М. Примакова [51]. В. М. Примаков (1897–1937), герой Гражданской войны, видный военачальник Красной Армии, был направлен в Китай, где в 1925–1926 гг. служил советником в Национальной армии, руководимой Фэн Юйсяном. По возвращении в СССР в 1930 г. он опубликовал свои записки под псевдонимом Генри Аллен. К сожалению, автор не дожил до новой публикации своих дневников. Судьба его была трагична: в 1937 г. он был расстрелян как «враг народа». Среди других публикаций упомянем мемуары В. В. Вишняковой-Акимовой «Два года в восставшем Китае. 1925–1927. Воспоминания» [52] и С. А. Далина «Китайские мемуары. 1921–1927» [53]. С. А. Далин работал в Китае фактически как агент Коминтерна.

Более полно советская советническая помощь китайской революции 1925–1927 гг. была отражена в воспоминаниях А. И. Черепанова (1895–1984) [54; 55] и А. В. Благодатова (1893–1987) [56], помогавших революционному правительству Южного Китая (Сунь Ятсена, Чан Кайши) в борьбе с милитаристами.

И с точки зрения военных заслуг, и с точки зрения человеческих качеств это были выдающиеся люди. Безусловно, сотрудников отдела обогащало общение с такими людьми, обладающими конкретным знанием политической и военной истории Китая тех лет, а главное – знанием реальных действующих лиц этой истории. Представленные ими воспоминания, подкрепленные не только личными свидетельствами, но и документами, интересны также и для конкретной оценки советской политики тех лет в Китае. Советники фактически выполняли в Китае и разведывательные функции, представляя соответствующую информацию в органы советской внешней разведки, в частности в Главное разведывательное управление (ГРУ) [57; 58].

Не менее масштабной была работа по написанию воспоминаний советскими волонтерами (военными советниками, летчиками и другими специалистами), посланными советским руководством в 1938–1941 гг. в Китай в период японо-китайской войны Сопrotивления (1937–1945) (воспоминания А. Я. Калягина и А. И. Черепанова [59; 60; 61; 62]).

Наиболее представительной фигурой, с которой руководство отдела организовало сотрудничество по написанию и редакции его мемуаров, был Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза В. И. Чуйков (1900–1982), который в 1941 г. был направлен в Китай в качестве военного атташе и главного военного советника при главнокомандующем китайской армии (Чан Кайши). Его воспоминания о работе в Китае были изданы в 1981 г. [63].

Конечно, «мемуарный сериал» в работе Отдела Китая возник не на пустом месте. В 1960–1970-х гг. в период «культурной революции» на

фоне антисоветизма в КНР чрезвычайно обострились советско-китайские отношения (вооруженный конфликт на о. Даманский, отказ руководства КНР пролонгировать договор 1950 г. и пр.). Естественным было желание с советской стороны продемонстрировать реальную помощь китайским революционным начинаниям и готовность к дружеским устремлениям. Сотрудники отдела, помогая «мемуаристам», таким образом старались внести свою посильную лепту.

В отделе работали несколько сотрудников китайской национальности: А. Г. Крымов, Ду Исинь, Цзэн Сюфу. Наиболее колоритной и эрудированной фигурой среди них был Афанасий Гаврилович Крымов (Го Шаотан) (1905–1988). Его детство и юность прошли в провинции Чжэцзян, где он стал активным участником революционных событий, захлестнувших Китай. Вступив в КПК и оказавшись в Москве, учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока и Институте красной профессуры. Работал в руководящих органах Коминтерна (политсекретарем Г. Димитрова). Жертва сталинских репрессий, он в 1938 г. был арестован и осужден на 15 лет. После реабилитации с 1955 г. стал сотрудником Института востоковедения. Главным направлением своей научной деятельности после возвращения из сталинских концлагерей избрал исследование идеологической борьбы в Китае в 1900–1927 гг.

Ду Исинь, консультант отдела Китая, был простым крестьянином из Шаньдуна. Он ездил на Дальний Восток на заработки, но в какой-то момент не смог вернуться, потому что границу закрыли. Грамотным он был на среднем уровне и, конечно, не являлся специалистом по истории и культуре Китая. Как и А. Г. Крымов, он был репрессирован. Оказавшись реабилитированным (после смерти Сталина), он приехал в Москву и устроился на работу в Отдел Китая. Надо отдать ему должное – Ду Исинь относился к своим обязанностям консультанта очень серьезно и добросовестно, помогая сотрудникам при переводе сложных китайских текстов.

Важным научным мероприятием, организованным отделом, стала инициатива руководства, в первую очередь Л. П. Делюсина, о проведении ежегодных научных конференций «Общество и государство в Китае». Вначале это были своего рода семинары-симпозиумы по определенным темам, например о китайских традициях. В дальнейшем характер конференций предполагал широкий выбор научных тем для выступлений. Для участия в ней приглашались все желающие сообщить коллегам о своих начинаниях и достижениях в любой области китаеведения. Широкая тематика и, главное, демократизм, который с самого начала возобладал на конференции, сделал ее чрезвычайно популярной в широких китаеведческих кругах, причем не только Москвы, Ленинграда, но и других, начавших развиваться научных центров СССР. Важным моментом, привлекавшим желающих принять участие в конференции, была возможность не только выступить с докладом, но и опубликовать свой текст

в издаваемых сборниках. Несмотря на финансовые трудности, материалы конференции сразу же печатались.

Ежегодная научная конференция «Общество и государство в Китае», таким образом, стимулировала более широкое развитие отечественного китаеведения, позволяла организовать ознакомление с тематикой исследований различных ученых. Для участия в конференции приглашались синологи из других стран (Фельбер, ГДР; Полоньи, ВНР; Славински, ПНР). Конференция, особенно в первые годы, привлекала своей демократичностью, возможностью выступить с различными дискуссионными сюжетами. Ссылаясь на восточную специфику, можно было более свободно высказываться по ряду животрепещущих вопросов. Отметим, что аналогичных дискуссионных площадок в Москве в то время не существовало. Естественно, это было чревато тем, что в соответствующие инстанции стали поступать всякого рода доносы от тех или иных информаторов о якобы несоответствии «линии партии» или «марксизму-ленинизму» отдельных докладов. За этим обычно следовали разборки и «разносы» в соответствующих организациях. Не один раз Л. П. Делюсину на «самом верху» приходилось держать ответ.

В 1970–1980-е гг. в качестве дополнительного заработка некоторые сотрудники отдела пользовались возможностью выступать с лекциями о современном Китае по линии общества «Знание». После вооруженного конфликта на о. Даманский и всплеска слухов о возможном расширении советско-китайского пограничного противостояния в советском обществе резко возрос интерес к современной китайской тематике. Поэтому лекции собирали полные аудитории слушателей в самых разных краях и областях Союза, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Новые сотрудники в отделе появлялись с большим временным разрывом, вакансий дирекция не предоставляла. К сожалению, ИСАА при МГУ не стал кузницей новых кадров для отдела. Правда, одно время многие его сотрудники, аспиранты и даже студенты активно участвовали в научной конференции «Общество и государство в Китае», публиковали статьи (в частности, А. Н. Карнеев, В. А. Козырев). Позже, в 1980–1990-х гг., выпускники ИСАА МГУ А. Д. Дикарев и В. М. Крюков стали работать в Отделе Китая ИВ РАН.

Коллектив отдела пополнился такими специалистами, как С. Р. Кучера (род. 1928), Ю. М. Гарушянец (1930–2012) и В. А. Рубин (1923–1981).

С. Кучера, поляк по национальности, был выпускником Варшавского университета. Блестяще изучив китайский язык, он стал единственным иностранным студентом, который в 1960 г. защитил в Пекинском университете диссертацию на китайском языке (на тему о классовой структуре древнекитайского общества по материалам Чжоу ли – «Чжоуские ритуалы» – памятника китайской традиционной культуры). После переезда в СССР он был принят в ИНА и с апреля 1967 г. стал работать в соста-

ве Отдела Китая. Сферой его главных научных интересов был древний Китай. Он принимал активное участие уже в первых научных конференциях «Общество и государство в Китае», выступив с докладами, в частности о стабилизации государственной власти в древнекитайском философском трактате «Гуань-цзы», о символических наказаниях в древнем Китае, о конфуцианской философии при династии Юань и др. С. Кучера обладал энциклопедическими знаниями текстов китайских традиционных трактатов. Целый ряд глав из древних трактатов «Чжуан-цзы» и «Гуань-цзы» был им переведен с древнекитайского языка и прокомментирован для изданной в 1972 г. антологии «Древнекитайская философия» [64]. Его труды по китайской археологии, в том числе «Китайская археология: 1965–1974. Палеолит – эпоха Инь» [65], где он проанализировал находки и исследования археологов КНР, стали наиболее полными источниками информации в данной области на русском языке. В дальнейшем С. Р. Кучера неоднократно представлял отечественную науку на международных конгрессах и симпозиумах, читал лекции в Варшаве, Париже, Пекине, Сингапуре и др.

Ю. М. Гарушянц, выпускник МИВ, прекрасно знал китайский язык и хорошо ориентировался в китайских источниках и китайской историографии по новой и новейшей истории. Его ведущие темы – движение «4 мая 1919 г.», вопросы формирования КПК и ее лидеров (Ли Дачжао, Чэнь Дусю), политика Гоминьдана и влияние Коминтерна на политику Китая и др. В принципе, вооружившись соответствующими источниками и материалами, он мог выступать, спорить, писать на любую тему. С 1953 по 1978 г. он сменил восемь научных учреждений (несколько редакций научных журналов, ряд академических институтов – философии, китаеведения, международного рабочего движения, мировой экономики и международных отношений, наконец, востоковедения). В глазах многих коллег он был своего рода «цензором», оценивая представленный ими материал с точки зрения точности, использования китайских источников и т. п. Ему принадлежали многие неоднозначные выводы относительно китайской истории. Он способствовал переоценке многих утвердившихся в отечественной китаистике шаблонных истин и политических фигур китайской истории. Так, он готов был спорить с В. И. Лениным относительно оценок Синьхайской революции, считая, что марксистский подход неприменим к Китаю и т. п. Опубликованный им научный багаж не очень велик, но высказанные Ю. М. Гарушянцем мысли до сих пор заслуживают серьезного внимания и осмысления.

В. А. Рубин также пытался противостоять заказному китаеведению. Он был участником Великой Отечественной войны. После окончания исторического факультета МГУ около 15 лет он проработал в качестве специалиста по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке по

общественным наукам (ФБОН, ныне Институт научной информации по общественным наукам – ИНИОН). Он писал об идеологии и культуре древнего Китая, о проблеме человека в древнекитайской философии, активно и темпераментно участвовал в работе конференций ОГК, ведя полемические споры с Л. С. Васильевым, тем самым чрезвычайно оживляя научную жизнь отдела.

В. А. Рубина отличало активное неприятие официальной советской идеологии и политики. В 1968 г. он хотел публично заявить о своем протесте по поводу ввода советских войск в ЧССР на общем собрании отдела, посвященном поддержке этого ввода (тогда такие собрания проходили везде в обязательном порядке), правда, Л. П. Делюсину удалось отговорить его от этой акции. Вскоре Рубин заявил о своем желании выехать в Израиль, попал в категорию «отказников». Дальше последовали акции протеста (объявление голодовок и т. п.), правда, уже после его ухода из отдела в 1972 г. В конце концов он выехал в Израиль и был профессором Иерусалимского университета в 1976–1981 гг. Его жизнь оборвалась трагически: он погиб в Израиле в автомобильной катастрофе.

О своем желании выехать на Запад заявила и младший научный сотрудник Н. Б. Занегина. Эмигрировав в США, она вышла там замуж, однако в начале 2000-х гг. вернулась в РФ.

Более серьезный прецедент случился с Е. В. Завадской (Виноградовой) (1930–2002). Она окончила истфак МГУ, затем работала научным сотрудником в Музее восточных культур и в Институте философии, наконец, в 1957 г. была зачислена в Отдел Китая. Ее интересовали проблемы развития китайской живописи, причем не чисто искусствоведческие, а скорее философско-эстетические. В 1962 г. она защитила кандидатскую диссертацию о традициях и новаторстве в живописи *гохуа*. Опубликовав несколько статей, в частности о росписи пещерных храмов *Дуньхуана*, о прикладном искусстве Китая, главные усилия Евгения Владимировна сосредоточила на переводе китайского трактата «Слово о живописи из сада с горчичное зерно» [66]. В августе 1968 г. она подписала письмо с протестом против ввода советских войск в ЧССР и преследования тех, кто заявил об этом открыто на Красной площади в Москве. Оказавшись в числе «протестантов», она создала определенную проблему для руководства, от которого соответствующие органы требовали ее увольнения. Л. П. Делюсин на это не пошел, правда, это стоило ему больших трудов и нервов. Надо отдать должное и тогдашнему директору Института Б. Г. Гафурову, который лично в приказном порядке не позволил уволить из Института никого из «подписантов». Хотя Е. В. Завадской и дали возможность опубликовать заверченный ею перевод китайского искусствоведческого трактата, однако ей запрещали командировки в Китай, долгое время не давали возможности защитить докторскую диссертацию. Ее научное творчество было весьма плодотворным и многообраз-

ным. Так, она опубликовала ряд эссе, в частности о тени как философско-эстетической категории, о даосской поэтике странствий, о человеке как мере всех вещей в живописи *хуаняо*; проанализировала трактат крупного художника и теоретика искусства XVII – начала XVIII в. Ши-тао (1642–1707/1718) и др. Большим достижением стала ее монография о творчестве замечательного китайского художника, мастере *гохуа* Ци Байши (1860–1957). Е. В. Завадская одна из первых поставила вопрос о влиянии восточной культуры на современный западный мир.

Новым направлением в исследовании китайской культурной традиции отдела стало изучение китайского традиционного театра. Этой уникальной теме посвятила свое научное творчество С. А. Серова (род. 1933). Конечно, нельзя сказать, что она была единственным специалистом, кто в СССР изучал эту тему. Так, китайским театром интересовался и был его зрителем академик В. М. Алексеев, в довоенный период о китайском театре писал ленинградский литературовед Б. А. Васильев (1899–1937), китайским театром основательно занималась сотрудник ИДВ И. В. Гайда (род. 1926). С. А. Серова в 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию о пекинской музыкальной опере (*цзинцзюй*), ставшей основой выпущенной в 1970 г. ее монографии [67]. Автор исследовала истоки этого жанра, характер репертуара, творчество ведущих мастеров, роль китайского традиционного театра в общественной жизни страны. Она пыталась проследить общие моменты у китайского сценического искусства и у российских новаторов сцены, в частности В. Э Мейерхоolda. С. А. Серова рассматривала эволюцию китайского сценического искусства в общем потоке развития китайской национальной культуры и китайских философских традиций.

Несмотря на возникавшие проблемы, Отдел Китая продолжал свою научную деятельность, в частности было продолжено издание сборников исторических документов и материалов. Так, в 1969 г. под редакцией Л. П. Делюсина был издан сборник документов, посвященный движению «4 мая» 1919 г. К книгам, выпущенным в связи с юбилейными датами, следует отнести материалы, подготовленные к 40-летию восстания в Гуанчжоу в 1927 г. и попытке провозгласить там власть Советов. Несколько ранее был подготовлен и издан впервые на русском языке сборник документов, посвященный Синьхайской революции 1911–1913 гг. Синьхайская тематика нашла отражение в ряде дискуссий о характере Синьхайской революции (была ли она буржуазной, буржуазно-демократической или националистической).

Новаторским направлением научной деятельности отдела стало исследование общественно-политической мысли Китая XX в. – ее социалистических аспектов, проникновения в Китай западных учений и марксистских идей. Таким образом, была сделана попытка исследовать важнейшую для китайского общества проблему качественных сдвигов

в традиционном мышлении. Основные аспекты этого сюжета были раскрыты в работах Л. П. Делюсина, Л. Н. Борох и А. Г. Крымова. Анализ китайских революционных процессов нашел отражение в коллективной монографии Л. П. Делюсина и А. С. Костяевой (1932–2003) о проблемах и оценках революции 1925–1927 гг. в Китае.

Новые нюансы в работе Отдела Китая появились в 1978 г. в связи с назначением директором Института востоковедения АН СССР Е. М. Примакова (1929–2015). После смерти в 1977 г. Б. Г. Гафурова в ЦК КПСС, очевидно, сочли необходимым перевести заместителя директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Е. М. Примакова на пост директора Института востоковедения. Эту должность он занимал до 1985 г., вернувшись затем в ИМЭМО, но уже на пост директора.

Отношения между Л. П. Делюсиным и Е. М. Примаковым складывались непросто. Дело в том, что у Льва Петровича всегда была своя собственная точка зрения на события в Китае. Он, в частности, считал, что прежде чем разоблачать Мао Цзэдуна, надо изучить его идеи, понять суть его учения. После такого заявления на институтском партийном собрании Л. П. Делюсин получил от Примакова серьезное внушение, так как эта позиция Льва Петровича не совпадала с точкой зрения ряда аппаратчиков в ЦК КПСС.

Новым моментом в деятельности Е. М. Примакова как нового директора Института была организация так называемых закрытых ситуационных анализов. Фактически они принимали форму совместных заседаний ведущих экспертов-международников Института, которые по заранее заданным темам в закрытом порядке обсуждали важные международные проблемы, так или иначе связанные с политикой СССР и защитой его национальной безопасности. От Отдела Китая Л. П. Делюсин выдвинул в эту группу аналитиков З. Д. Каткову (1932–2012) и Ю. В. Чудодеева (род. 1931). Работа эта была интересная и достаточно ответственная. Необычность заключалась в том, что в условиях существования жесткой цензуры и необходимости следовать пропагандистским стандартам аналитикам, привлеченным к обсуждению соответствующих внешнеполитических проблем, позволялось смело и откровенно высказывать собственные суждения и даже вносить предложения о целесообразности новых внешнеполитических подходов со стороны государства. Обычно ситуационные анализы проводили Е. М. Примаков или его заместитель Г. Ф. Ким (1924–1989). Материалы таких анализов затем направлялись в соответствующие инстанции (МИД СССР, международные отделы ЦК КПСС, ГРУ и т. д.). Конечно, участие в такого рода обсуждениях было полезно для определенного расширения кругозора научных сотрудников и раскрепощения от пропагандистской зашоренности. Иногда предложенные вопросы давали пищу для дальнейших научных разработок.

В 1987 г. директором Института востоковедения АН СССР был назначен чл.-корр. АН СССР М. С. Капица (1921–1995). Как кадровый работник МИД СССР (он имел звание Чрезвычайного и Полномочного посла СССР) М. С. Капица принадлежал к советской номенклатурно-бюрократической элите, а в китаеведческих кругах заявил о себе как специалист по советско-китайским отношениям, исследовавший эти отношения и ситуацию в Китае в русле советской антимаоистской пропаганды тех лет.

Одним из первых административных актов М. С. Капицы в Институте было снятие Л. П. Делюсина, достигшего «преклонного возраста», с должности заведующего Отделом Китая. Не исключено, что Лев Петрович воспринял это как нелицеприятный шаг в свой адрес, он отказался продолжать работать в Институте под началом М. С. Капицы и в 1990 г. перешел в Институт международных экономических и политических исследований РАН.

Заведующим Отделом Китая был назначен А. А. Бокщанин (1935–2014), один из ведущих сотрудников отдела, в 1985 г. защитивший докторскую диссертацию об эволюции удельной системы в Китае в XIV–XV вв. Основным направлением его исследований была эпоха Мин. Перу ученого принадлежит свыше 120 научных работ, «основные из которых вошли в золотой фонд отечественной синологии» [68, с. 218]. Большую роль сыграл А. А. Бокщанин в организации так необходимых китаеведам ежегодных конференций «Общество и государство в Китае», проводимых с 1970 г. По оценкам коллег, хорошо знавших Бокщанина, Алексей Анатольевич, возглавив отдел в 1990 г. и продолжив эту деятельность до 2011 г., сумел в эти трудные для страны годы сохранить научный потенциал отдела и атмосферу свободного поиска.

С уходом из жизни А. А. Бокщанина во главе отдела в ИВ РАН стал А. И. Кобзев (род. 1953), приглашенный в 1978 г. на работу в Институт Л. П. Делюсиным еще до завершения им обучения в аспирантуре [69, с. 181]. В 1989 г. в Институте философии он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук по теме: «Методология китайской классической философии (нумерология и протологика)», спустя 10 лет ему присвоено звание профессора. В списке научных работ ученого – более 1300 трудов по истории китайской философии, науки и культуры. Он закрепил за собой авторство культурологической теории глобальной альтернативы Востока и Запада [69, с. 186]. Будучи одним из почти 140 авторов шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая» (2010), предтечей которого считается подготовленный в 1994 г. под эгидой М. Л. Титаренко новаторский энциклопедический словарь «Китайская философия», Артем Кобзев внес огромный вклад в подготовку ее к изданию. За этот фундаментальный труд и достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения он стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации в обла-

сти науки и технологии за 2010 г. Китайские коллеги воздали должное профессионализму представителя российской академической синологии, избрав его в члены правления Международной ассоциации иджинистики (Пекин, с 2004).

Заключение

Отечественное востоковедение за годы своего развития прошло весьма тернистый путь. В годы существования Советского Союза Отдел Китая ИВ АН СССР на своем пике насчитывал более 50 научных работников, в 1990–2000-е гг. их число уже сократилось более чем втрое. Сегодня, важно отметить, штат сотрудников Отдела Китая Института востоковедения РАН значительно пополнился и укрепился за счет молодых исследователей и сотрудников среднего возраста, поддерживающих лучшие традиции классической синологии и китаистики. В 2018 г. в Институте востоковедения РАН прошла уже 48-я конференция «Общество и государство в Китае» – ежегодная авторитетная научная и экспертная площадка, пользующаяся неизменной популярностью и успехом среди отечественных китаеведов.

Продолжается главное направление фундаментального научного исследования «Закономерности исторического развития народов Востока с древнейших времен до середины XX в.». Основное внимание уделяется истории и культуре Китая с древности и до наших дней. Это прежде всего реализация крупных долгосрочных проектов – академических переводов, комментариев, исторических, философских и литературных памятников Китая. С развитием классической синологии связаны исследования теоретических основ традиционного Китая, философии и науки, специфики естественно-научного знания и практического воплощения традиций изобразительного и драматического искусства и музыкальной культуры Китая. Положено начало исследованию такой редчайшей дисциплины, как тангутоведение. Впрочем, для осмысления и оценки результатов научной деятельности коллектива единомышленников Отдела Китая ИВ РАН в «нулевые» и более поздние годы уже требуется отдельное описание.

Литература

1. Мао Цзедун. *Избранные произведения в 4 томах*. М.: Иностранная литература; 1952–1953.
2. Позднеева Л. Д. *Лу Синь. Жизнь и творчество (1881–1936)*. М.: Издательство МГУ; 1959. 572 с.
3. Никифоров В. Н., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф. *Народная революция в Китае: очерк истории борьбы и победы китайского народа*. М.: Госполитиздат; 1950. 143 с.
4. Эренбург Г. Б. *Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время*. М.: Учпедгиз; 1951. 240 с.

5. Симоновская Л. В., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф. *Очерки истории Китая*. М.: Учпедгиз; 1956. 454 с.
6. Фань Вэнь-лань. *Новая история Китая. Т. 1. 1840–1901*. М.: Иностранная литература; 1955. 600 с.
7. Го Мо-жо. *Эпоха рабовладельческого строя*. М.: Иностранная литература; 1956. 272 с.
8. Шан Юэ (ред.). *Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн»*. М.: Восточная литература; 1959. 579 с.
9. Пын Мин. *История китайско-советской дружбы*. М.: Издательство социально-экономической литературы; 1959. 360 с.
10. Ло Гуань-чжун. *Троецарствие*. М.: Гослитиздат; 1954. 1584 с.
11. Ши Най-Ань. *Речные заводы*. М.: Гослитиздат; 1955.
12. Цао Сюэ-цинъ. *Сон в красном тереме*. М.: Гослитиздат; 1958. 863 с.
13. Уо Чэн-энь. *Путешествие на Запад*. М.: Гослитиздат; 1959.
14. Перевертайло А. С. (ред.) *Очерки истории Китая в новейшее время*. М.: Восточная литература; 1959. 695 с.
15. Тихвинский С. Л. *Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй*. М.: Восточная литература; 1959. 418 с.
16. Вяткин Р. В. *Музеи и достопримечательности Китая*. М.: Восточная литература; 1962. 174 с.
17. Вяткин Р. В. Некоторые вопросы истории общества и культуры Китая и кампания «критики Конфуция» в КНР. *Народы Азии и Африки*. 1974;4:49–64.
18. Вяткин А. Р. (сост.) *Юэ Тэ-цзинь ле чжуань: Судьба востоковеда Р. В. Вяткина*. М.: Институт востоковедения РАН; 1998. 240 с.
19. Тихвинский С. Л. (ред.) *Новая история Китая*. М.: Наука; 1972. 636 с.
20. Тихвинский С. Л. (ред.) *Синьхайская революция в Китае*. М.: Наука; 1962. 324 с.
21. Тихвинский С. Л. (ред.) *Маньчжурское владычество в Китае*. М.: Наука; 1966. 385 с.
22. Сунь Ят-сен. *Избранные произведения*. М.: Наука; 1964. 576 с.
23. Переломов Л. С. (ред.) *Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу)*. М.: Наука; 1968. 350 с.
24. Мункуев Н. Ц. *Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Цая*. М.: Наука; 1965. 224 с.
25. Чжао Хун. *Мэн-да бэй-лу = Полное описание монголо-татар*. М.: Наука; 1975. 288 с.
26. Ли Да-чжао. *Избранные статьи и речи*. М.: Наука; 1965. 291 с.
27. Илюшечкин В. П., Соловьев О. Г. (сост.) *Тайпинское восстание. 1850–1864 гг. Сборник документов*. М.: Издательство восточной литературы; 1960. 325 с.
28. Илюшечкин В. П. *Крестьянская война тайпинов*. М.: Наука; 1967. 396 с.
29. Непомнин О. Е. *Экономическая история Китая: 1864–1894 гг.* М.: Наука; 1974. 304 с.
30. Калюжная Н. М. (сост.) *Восстание ихэтуаней. 1898–1901: Документы и материалы*. М.: Наука; 1968. 276 с.

31. Калюжная Н. М. *Восстание ихэтуаней (1898–1901): Историография*. М.: Наука; 1973. 208 с.
32. Калюжная Н. М. *Восстание ихэтуаней (1898–1901)*. М.: Наука; 1978. 363 с.
33. Васильев Л. С. *Аграрные отношения и община в древнем Китае*. М.: АН СССР, Институт народов Азии; 1961. 268 с.
34. Васильев Л. С. *Культы, религии, традиции в Китае*. М.: Наука; 1970. 484 с.
35. Борох Л. Н. *Союз возрождения Китая*. М.: Наука; 1971. 203 с.
36. Борох Л. Н. *Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.)*. М.: Наука; 1984. 300 с.
37. Делюсин Л. П., Борох Л. Н. (ред.) *Китай: поиски путей социального развития*. М.: Наука; 1979. 250 с.
38. Делюсин Л. П., Борох Л. Н. (ред.) *Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики*. М.: Наука; 1982. 262 с.
39. Делюсин Л. П., Бокщанин А. А., Борох Л. Н. (ред.) *Общественные науки в КНР*. М.: Наука; 1986. 408 с.
40. Делюсин Л. П., Борох Л. Н. (ред.) *Китайские социальные утопии*. М.: Наука; 1987. 311 с.
41. Делюсин Л. П., Борох Л. Н. (ред.) *Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX – начало XX в.)*. М.: Наука; 1988. 241 с.
42. Борох Л. Н., Поршнева Е. Б., Делюсин Л. П. (ред.) *Личность в традиционном Китае*. М.: Наука; 1992. 395 с.
43. Борох Л. Н., Кобзев А. И. (ред.) *От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре*. М.: Восточная литература; 1998. 422 с.
44. Делюсин Л. П. (ред.) *Китай: традиции и современность*. М.: Наука; 1976. 335 с.
45. Кончиц Н. И. *Китайские дневники. 1925–1926*. М.: Наука; 1969. 144 с.
46. Идес И., Бранд А. *Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695)*. М.: Наука; 1967. 403 с.
47. Казанин М. И. *Избранное*. М.: Памятники исторической мысли; 2009. 431 с.
48. Скачков П. Е. *Библиография Китая – систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке (1730–1930)*. М.; Л.: Соцэкгиз; 1932. 843 с.
49. Скачков П. Е. *Библиография Китая*. М.: Издательство восточной литературы; 1960. 692 с.
50. Скачков П. Е. *Очерки истории русского китаеведения*. М.: Наука; 1977. 510 с.
51. Примаков В. М. *Записки волонтера. Гражданская война в Китае*. М.: Наука; 1967. 215 с.
52. Вишнякова-Акимова В. В. *Два года в восставшем Китае. 1925–1927. Воспоминания*. М.: Наука; 1980. 286 с.
53. Далин С. А. *Китайские мемуары. 1921–1927*. М.: Наука; 1975. 359 с.
54. Черепанов А. И. *Записки военного советника в Китае. Из истории Первой гражданской революционной войны (1924–1927)*. М.: Наука; 1964. 288 с.
55. Черепанов А. И. *Северный поход Национально-революционной армии Китая (записки военного советника)*. М.: Наука; 1968. 303 с.

56. Благодатов А. В. *Записки о китайской революции 1925–1927 гг.* М.: Наука; 1970. 277 с.
57. Панцов А. В. *Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927)*. М.: Муравей-Гайд; 2001. 452 с.
58. Усов В. Н. *Советская разведка в Китае (20-е гг. XX в.)*. М.: Олма-Пресс; 2002. 384 с.
59. Калягин А. Я. *По незнакомым дорогам*. М.: Наука; 1969. 400 с.
60. *На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945*. М.: Наука; 1974. 374 с.
61. Черепанов А. И. *Записки военного советника в Китае*. 2-е изд. М.: Наука; 1976. 646 с.
62. Чудодеев Ю. В. (ред.) *В небе Китая, 1937–1940: Воспоминания советских летчиков-добровольцев*. М.: Наука; 1980. 379 с.
63. Чуйков В. И. *Миссия в Китае. Записки военного советника*. М.: Наука; 1981. 270 с.
64. Ян Хин-Шун (сост.) *Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах*. М.: Мысль; 1972.
65. Кучера С. Р. *Китайская археология: 1965–1974. Палеолит – эпоха Инь*. М.: Наука; 1977. 268 с.
66. *Слово о живописи из Сада с горчичное зерно*. М.: В. Шевчук; 2001. 512 с.
67. Серова С. А. *Пекинская музыкальная драма*. М.: Наука; 1970. 196 с.
68. Кобзев А. И. Алексей Анатольевич Бокщанин (1935–2014). *Восток (Oriens)*. 2014; (5):217–219.
69. Головачёв В. Ц. (ред.) *Российское китаеведение – устная история: сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв.* М.: Институт востоковедения РАН, 2015. Т. 2. 572 с.

References

1. Mao Tse-Tung. *Selected works in 4 volumes*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1952–1953. (In Russ.)
2. Pozdneeva L. D. *Lu Xing Life and works (1881-1936)*. Moscow: Moscow State University; 1959. (In Russ.)
3. Nikiforov V. N., Erenburg G. B., Yuriev M. F. *People's Revolution in China: history of the Chinese people's fight for the brilliant future*. Moscow: Gospolitizdat; 1950. (In Russ.)
4. Erenburg G. B. *The Chinese people's fight for liberation. A collection of essays*. Moscow: Uchpedgiz; 1951. (In Russ.)
5. Simonovskaya L. V., Erenburg G. B., Yuriev M. F. *A History of China. Collected essays*. Moscow: Uchpedgiz; 1956. (In Russ.)
6. Fan Wen-Lan. *Modern History of China. Vol. 1. 1840–1901*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1955. (In Russ.)
7. Kuo Mo-jo. *The Slave system society*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1956. (In Russ.)
8. Shang Yue (ed.) *Essays on Chinese History from the Ancient times till the time of the opium wars*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1959. (In Russ.)

9. Pyn Min. *History of the friendship between China and USSR*. Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoi literatury; 1959. (In Russ.)
10. Luo Guanzhong. *The Triregnum. A novel*. Moscow: Goslitizdat; 1954. (In Russ.)
11. Shi Naian. *River's coves. A novel*. Moscow: Goslitizdat; 1955.
12. Cao Xueqin. *Dream in the Red Tower*. Moscow: Goslitizdat; 1958. (In Russ.)
13. Wu Cheng'en. *A journey to the West*. Moscow: Goslitizdat; 1959. (In Russ.)
14. Perevertailo A. S. (ed.) *Modern History of China. Collected Essays*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1959. (In Russ.)
15. Tikhvinskii S. L. *The movement for reform in China at the end of the 19th cent. and Kang Yu-Wei*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1959. (In Russ.)
16. Vyatkin R. V. *Museums and sights in China*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1962. (In Russ.)
17. Vyatkin R. V. Some issues of the history of Chinese society and culture and the campaign of "criticism of Confucius" in the Peoples Republic of China. *Narody Azii i Afriki*. 1974;4:49-64. (In Russ.)
18. Vyatkin A. R. (ed.) *Yue Tae-Jin Le Zhuang: The Fate of the Orientalist R. V. Vyatkin*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 1998. (In Russ.)
19. Tikhvinskii S. L. (ed.) *Modern History of China*. Moscow: Nauka; 1972. (In Russ.)
20. Tikhvinskii S. L. (ed.) *China and the revolution of Xing hay*. Moscow: Nauka; 1962. (In Russ.)
21. Tikhvinskii S. L. (ed.) *The Manchur dominion in China*. Moscow: Nauka; 1966. (In Russ.)
22. Sun Yat-sen. *Selected works*. Moscow: Nauka; 1964. (In Russ.)
23. Perelomov L. S. (ed.) *The Book of the Ruler of the Shang province (Shang Tzen shu)*. Moscow: Nauka; 1968. (In Russ.)
24. Munkuev N. Ts. *A Chinese historical source regarding the first Khans of Mongolia: An inscription on the Elui Chu-Tsai grave*. Moscow: Nauka; 1965. (In Russ.)
25. Zhao Hong. *A Complete description of Mongol Tatars*. Moscow: Nauka; 1975. (In Russ.)
26. Li Dazhao. *Selected articles and speeches*. Moscow: Nauka; 1965. (In Russ.)
27. Ilyushechkin V. P., Soloviev O. G. (ed.) *Documents on the Tai-ping revolt 1850-1864*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoi literatury; 1960. (In Russ.)
28. Ilyushechkin V. P. *The Tai-ping peasant war*. Moscow: Nauka; 1967. (In Russ.)
29. Nepomnin O. E. *China's economic history 1864-1894*. Moscow: Nauka; 1974. (In Russ.)
30. Kalyuzhnaya N. M. (ed.) *Documents on the I-khe-tuang revolt. 1898-1901*. Moscow: Nauka; 1968. (In Russ.)
31. Kalyuzhnaya N. M. *Historiography of the I-khe-tuang revolt (1898-1901)*. Moscow: Nauka; 1973. (In Russ.)
- Kalyuzhnaya N. M. *I-khe-tuang revolt (1898-1901)*. Moscow: Nauka; 1973. (In Russ.)
33. Vasiliev L. S. *Agrarian policy and the rural community in the Ancient China*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Asian Nations; 1961. (In Russ.)
34. Vasiliev L. S. *Cultus, religion and traditions in China*. Moscow: Nauka; 1970. (In Russ.)

35. Borokh L. N. *Union for the Chinese Resurgence*. Moscow: Nauka; 1971. (In Russ.)
36. Borokh L. N. *Social thought in China and socialism (beginning of the 20th cent.)*. Moscow: Nauka; 1984. (In Russ.)
37. Delyusin L. P., Borokh L. N. (eds) *China. Search for the ways for social development*. Moscow: Nauka; 1979. (In Russ.)
38. Delyusin L. P., Borokh L. N. (eds) *China's Confucianism: theory and praxis*. Moscow: Nauka; 1982. (In Russ.)
39. Delyusin L. P., Bokshchanin A. A., Borokh L. N. (eds) *Social sciences in the Peoples Republic of China*. Moscow: Nauka; 1986. (In Russ.)
40. Delyusin L. P., Borokh L. N. (eds) *Social utopias in China*. Moscow: Nauka; 1987. (In Russ.)
41. Delyusin L. P., Borokh L. N. (eds) *Social and political thought in China (end of the 19th cent.- beginning of the 20th cent.)*. Moscow: Nauka; 1988. (In Russ.)
42. Borokh L. N., Porshneva E. B., Delyusin L. P. (eds) *A personality in traditional China*. Moscow: Nauka; 1992. (In Russ.)
43. Borokh L. N., Kobzev A. I. (eds) *The category of the DE in the Chinese culture. (From the magical power to the moral imperative)*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1998. (In Russ.)
44. Delyusin L. P. (ed.) *China: Tradition and the Modern Times praxis*. Moscow: Nauka; 1976. (In Russ.)
45. Konchits N. I. *The Chinese diaries 1925–1926*. Moscow: Nauka; 1969. (In Russ.)
46. Ides I., Brand A. *Memoirs about the Russian Embassy in China (1692–1695)*. Moscow: Nauka; 1967. (In Russ.)
47. Kazanin M. I. *Selected works*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli; 2009. (In Russ.)
48. Skachkov P. E. *The bibliography of China (A systematical index of books and journal articles about China in Russian 1730–1930)*. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz; 1932. (In Russ.)
49. Skachkov P. E. *The bibliography of China*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoi literatury; 1960. (In Russ.)
50. Skachkov P. E. *Essays on the history of Chinese Studies in Russia*. Moscow: Nauka; 1977. (In Russ.)
51. Primakov V. M. *Memoirs of a volunteer soldier. Civil war in China*. Moscow: Nauka; 1967. (In Russ.)
52. Vishnyakova-Akimova V. V. *Memoirs. Two years in the insurgent China 1925–1927*. Moscow: Nauka; 1980. (In Russ.)
53. Dalin S. A. *Memoirs on China 1921–1927*. Moscow: Nauka; 1975. (In Russ.)
54. Cherepanov A. I. *Memoirs of the Soviet military advisor in China. Pages from the history of the First Revolutionary Civil war (1924–1927)*. Moscow: Nauka; 1964. (In Russ.)
55. Cherepanov A. I. *Memoirs of the Soviet military advisor in China. The Northern campaign*. Moscow: Nauka; 1968. (In Russ.)
56. Blagodatov A. V. *Memoirs about the Chinese Revolution 1925–1927*. Moscow: Nauka; 1970. (In Russ.)

57. Pantsov A. V. *An arcane history of the relations between the Soviet Union and China, The Bolsheviks and the Chinese revolution 1925-1927*. Moscow: Muravei-Gaid; 2001. (In Russ.)

58. Usov V. N. *The Soviet military intelligence in China in 1920es*. Moscow: Olma-Press; 2002. (In Russ.)

59. Kalyagin A. Ya. *Along the unfamiliar roads*. Moscow: Nauka; 1969. (In Russ.)

60. *On the Chinese sole. Memoirs of the Soviet military volunteers. 1925–1945*. Moscow: Nauka; 1974. (In Russ.)

61. Cherepanov A. I. *Memoirs of the Soviet military advisor in China*. 2nd ed. Moscow: Nauka; 1976. (In Russ.)

62. Chudodeev Yu. V. (ed.) *In the Chinese sky 1937–1940. Memoirs of the Soviet volunteer fighter pilots*. Moscow: Nauka; 1980. (In Russ.)

63. Chuikov V. I. *A military mission to China (Memoirs of the military advisor)*. Moscow: Nauka; 1981. (In Russ.)

64. Yan Khin-Shun (ed.) *The Ancient Chinese philosophy. Collection of texts in 2 volumes*. Moscow: Mysl; 1972. (In Russ.)

65. Kuchera S. R. *The archaeology of China in 1965-1974. Paleolithic era – era Yin*. Moscow: Nauka; 1977. (In Russ.)

66. An account on painting from the Mustard Seed Garden. Moscow: V. Shevchuk; 2001. (In Russ.)

67. Serova S. A. *The Peking musical drama*. Moscow: Nauka; 1970. (In Russ.)

68. Kobzev A. I. Aleksei A. Bokshchanin (1935–2014). *Vostok (Oriens)*. 2014;(5):217–219. (In Russ.)

69. Golovachyov V. Ts. (ed.) *Chinese Studies in Russia. Oral history: interviews with leading Russian Sinologists of the 20th–21st cent. A collection*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2015. Vol. 2. (In Russ.)

Информация об авторе

Чудодеев Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Китая, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Yurij V. Chudodeev, Ph. D (Hist.), Leading Research Fellow, Department of China, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 сентября 2018 г.
Одобрена рецензентами: 8 октября 2018 г.
Принята к публикации: 18 октября 2018 г.

Article info

Received: September 4, 2018
Reviewed: October 8, 2018
Accepted: October 18, 2018